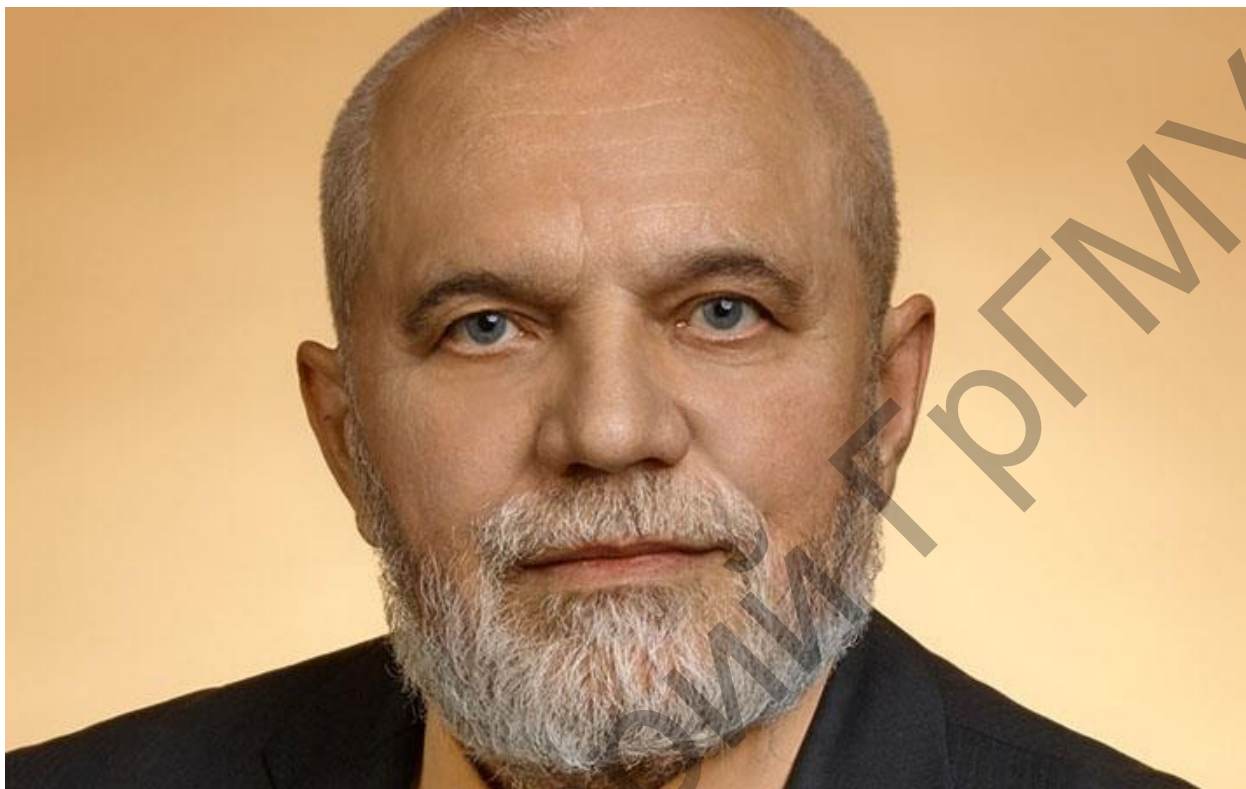

Михаил Бушма: «Мне не пришлось работать ни одного дня в своей ЖИЗНИ...»

Имя профессора кафедры фармакологии имени М. В. Кораблева ГрГМУ, доктора мед. наук Михаила Бушмы хорошо известно не только в нашей стране. На его счету 14 успешно завершённых финансируемых научно-исследовательских разработок, в т. ч. в рамках международного сотрудничества. Участвовал в разработке лекарственных средств, выпускаемых в промышленных масштабах. Под его руководством защищено 7 кандидатских диссертаций. Три ученика профессора удостоены стипендии специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливых молодых ученых и аспирантов. Эту премию получило и студенческое научное общество университета, которым он руководил. Сегодня профессор Михаил Бушма, недавно отметивший 70-летие, — гость «Медвестника».

Михаил Бушма — автор более 300 учебно-методических и научных работ, пяти патентов. Обладатель международного сертификата GCP. Имеет Кембриджское свидетельство за выдающиеся достижения в области медицины. За вклад в области фармакологии Американский биографический институт включил имя профессора Михаила Бушмы в энциклопедическое издание «Великие умы 21-го столетия».

Михаил Иванович, никогда не жалели о профессиональном выборе?

— Мне не пришлось работать ни одного дня в своей жизни, потому что я выбрал себе занятие по душе, превратив науку в хобби, от которого получаю огромную радость и удовлетворение. А работаю только на даче. У известного советского публициста Василия Пескова есть замечательные

слова: «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни». Это и мое жизненное кредо.

Вы родились в обычной крестьянской семье. Откуда такая страсть к науке?

— Моя родная деревня — Делятичи Новогрудского района. Жили недалеко от колхозной фермы, и я с интересом наблюдал за живностью. Помню, собирал выбеленные кости на полях, приносил собаке и всегда удивлялся, почему она не хочет их грызть. Когда у нас курица-наседка сидела на яйцах, я помогал вылупиться цыплятам — они почему-то погибали, и за это меня мама наказывала... Однажды я притащил во двор дохлого теленка, препарировал его. Изучал. И за это тоже получил от мамы взбучку.

В 1974 году окончил мединститут в Гродно и поступил в аспирантуру при кафедре фармакологии. Зимой, на каникулах, поехал домой. Отец спрашивает: «Миша, ты чем занимаешься в Гродно? У меня соседи интересуются. Каким доктором работаешь?» Говорю: «Занимаюсь наукой в аспирантуре. В лаборатории провожу опыты на крысах, потом публикую в научных журналах эти результаты». Отец меня внимательно выслушал и сделал свое умозаключение: «Получается, что ты работаешь крысиным доктором...» У отца было два класса образования, ему это трудно было понять. Он знал свою, крестьянскую, науку: как растить хлеб, как быть с молоком и мясом, чтобы накормить себя и семью.

Почти четверть века вы трудились в институте биохимии в Гродно. Там у вас появилось много интересных научных работ и не менее увлекательных поездок...

— Это было незабываемое время. Я планировал эксперименты, получал результаты, ездил на конференции и симпозиумы. В 1979 году защищал кандидатскую диссертацию «Фармакологическая активность уридина и цитидина» в Эстонии, в государственном университете города Тарту. С интересом узнал о том, что раньше этот вуз имел статус независимого университета. Если, скажем, преступник был пойман на территории учреждения образования, то его судил ректор. В зале, где проходила защита, стояло пианино, на котором играл Ференц Лист во время своего визита в город. День защиты был незабываемым.

Много ярких впечатлений осталось после трехнедельной поездки на стажировку в университет Суррея (Гилфорд, Великобритания), на седьмой Международный конгресс по токсикологии в Сиэтл (США), на 25-й международный конгресс по профессиональному здоровью в Швецию — прошло уже четверть века с тех пор, а я хорошо помню и выступление короля Карла XVI Густава, и доклад ученого из этой страны, который изучал частоту и причины суицида. Оказывается, чаще всего подобное случается у людей, работающих в ночную смену. Причина — нарушение суточных циркадных ритмов и выработки мелатонина.

Импульс к научным исследованиям у вас, наверное, рождался из событий окружающей жизни?

— Наука и наша жизнь всегда неразделимы. Например, когда я еще учился в школе, наблюдал такую картину: жили у нас два уже немолодых приятеля. Родителей у них не было. Любили крепкие напитки. У одного развился цирроз печени, и он умер. У второго была язва желудка, и его прооперировали. Я понимал, что это последствия алкоголя. И у меня возник вопрос: «Почему люди по-разному расплачиваются за свои пагубные привычки?»

Когда учился в институте, все свободное время работал в библиотеке и пытался найти ответ, почему так происходит. Приходилось переводить с английского, хотя я изучал немецкий. Затем поступил в аспирантуру, работал над кандидатской диссертацией, потом 12 лет — над докторской. И все это время продолжал искать ответ на этот вопрос.

Однажды ночью я проснулся и начал рассуждать о том, что люди различаются между собой. Даже однояйцевые близнецы. Значит различаются и человеческие органы, которые внешне похожи. Возможно, разнятся они и по биохимическим процессам, которые протекают с разной скоростью. У каждого человека свой «биохимический паспорт» печени. И я подумал, что если алкоголь в равной токсической дозе поступает в организм, то у некоторых людей биохимические процессы в печени протекают таким образом, что защита у них будет лучше, чем у других... На основании этих рассуждений был сформулирован научный проект «Биохимические механизмы различной индивидуальной чувствительности к гепатотоксинам», направленный в Фонд фундаментальных исследований. Проект был одобрен и получил финансирование. Для научных исследований предполагалось взять более сотни крыс. У здоровых животных изъяли часть печени и оценили значения показателей (всего 33), которые могли оказать влияние на последствия алкогольного поражения печени. Когда был составлен «биохимический паспорт печени» каждой крысы, животным начали вводить через зонд в желудок этиловый спирт, вызывающий легкое опьянение и полусонное состояние. Эксперимент проводили более 60 дней.

Эксперт, профессор Владимир Камышников (заведующий кафедрой клинической лабораторной диагностики БелМАПО) дал высокую оценку этому проекту. Я понимал, что это в определенной степени авантюра: предварительных исследований в этой области не было. Набрал команду исполнителей из Института биохимии, которые владели этими методами, и начали эксперименты. Действительно, оказалось, что животные распределились по степени от легкого до тяжелого поражения печени.

Моя жена Татьяна Васильевна (в тот период работала в медуниверситете) — математик, расписала мне по формулам, какие показатели сыграли ключевую роль в том, что животные по-разному реагируют на токсическую дозу этилового спирта. Оказалось, что ни ферменты метаболизма спирта, ни другие показатели не сработали. Сработали изначально высокие значения в печени восстановленного глутатиона, а также высокие активности ферментов его биосинтеза. У этих животных поражение печени было минимальным.

Отчет о выполненной работе был принят Фондом, и я стал посылать материалы для публикации в научные журналы, среди которых был «Токсикологический вестник» (Санкт-Петербург). Спустя некоторое время мне позвонил главный токсиколог России профессор Владимир Нужный. Он сообщил, что это великолепный проект, который удачно завершился.

Пришла информация из США: американские коллеги просили выслать англоязычную версию публикации. Были профинансированы еще два проекта в этой области — предрасположенность к поражению печени парацетамолом и поражению почек гентамицином.»

Всегда ли ваши научные проекты получали финансовую поддержку?

— Было всякое. В послечернобыльское время, после защиты докторской диссертации, я работал в области метаболизма лекарств. Тогда у меня возникла идея — тестировать людей по предрасположенности к раку легкого. Почему некоторые интенсивно курящие заболевают раком легкого, а у других он не развивается? По анализу крови можно было бы с высокой степенью вероятности предположить, разовьется ли у курящего человека рак легкого или нет.

Посылая заявку в Фонд фундаментальных исследований, я обосновал, что здесь есть и фундаментальная составляющая, и прикладная. Фонд профинансировал фундаментальную часть. Предложили, чтобы я обратился за финансовой поддержкой прикладной части в Минздрав, где меня направили в научно-исследовательский институт онкологии, который курировал эту программу: здесь меня не поддержали. Я остался без финансовой поддержки, но меня очень интересовал этот проект, и я послал письмо в Швецию ученому, с которым мы познакомились на одной из конференций. Вскоре пришел ответ. Он согласился выполнять исследования бесплатно. В

последующем он сообщил, что 2 лаборатории из Стокгольма готовы к сотрудничеству и попросили выслать замороженные клетки крови человека.

Однако отсутствие финансирования не позволило продвинуться в этом направлении. Затем я послал письмо фармакологу из университета Суррея (Великобритания). Вскоре получил ответ, в котором английский коллега писал, что нам нужно встретиться, чтобы обсудить эту проблему. Иностраный отдел Академии наук Беларуси профинансировал мое двухнедельное пребывание (в ноябре 1994 года) в Англии. В соответствии с дизайном проекта необходимо 10–15 лет наблюдать за судьбами людей после взятия у них образцов крови и регистрировать случаи развития рака легкого. Однако на такие долгосрочные исследования я не смог найти финансирования, и этот проект остался нереализованным. Его идею я не стану пока разглашать, все-таки теплится надежда, что я к нему еще вернусь...

Искренне желаю вам этого! Что делаете, чтобы не терять форму?

— Предпочитаю чередовать умственный труд с физическим. С удовольствием работаю на даче. Люблю рыбалку: на Немане и на озерах, ниже деревни, где в Неман впадает Березина. Там очень красивые места. Здесь мой отец в молодости гонял плоты, где они готовили нехитрую пищу. Готовил и нам, детям, «пльйтнинский суп»: в готовый суп перед едой засыпались хлебные сухари. Иногда привозил краюшку «лисичкиного хлеба», и он казался необычайно вкусным. Эта невидимая связь с родными местами делает меня сильнее.

А что говорите своим студентам, которые хотят стать достойными врачами?

— Согласно Оксфордскому словарю, «интеллектуализм — это доктрина, при которой знания рождаются из чистого разума». Я говорю: «Лекарства в организме ничего нового не создают. Они только изменяют скорость биохимических реакций. И только от этого получается лечебный эффект. Если хорошо знать биохимию и физиологию, то с усвоением знаний по фармакологии проблем не будет...

Михаил Иванович, ваши сыновья тоже связали свои судьбы с медициной?

— Старший сын Василий — врач-нейрохирург. Его жена Анжелика — хирург-оториноларинголог. Младший Кирилл — доцент кафедры анестезиологии и реаниматологии ГрГМУ, кандидат мед. наук. Его жена Оксана — врач-нарколог. Старшая внучка Диана окончила факультет транспортной логистики Гродненского университета им. Янки Купалы, работает по специальности в Москве. Младшая внучка Карина и внук Андрей — школьники с достижениями в учебе (победители олимпиад) и спорте. Они — моя большая любовь и гордость.

Из уст коллег

Владимир Шейбак, заведующий кафедрой микробиологии, вирусологии и иммунологии ГрГМУ, доктор мед. наук, профессор:

— Мы с Михаилом Ивановичем — земляки, родились в Новогрудском районе. Встретились в Институте биохимии, подружились. Позднее, когда я уже работал в медуниверситете, выполняли совместные проекты, в том числе направленные на создание новых лекарственных препаратов. Мне всегда импонировали академичность Михаила Ивановича, его скрупулезность, глубокие знания не только фармакологии, но и биохимии. С ним всегда интересно работать и в Совете по защите диссертаций. Студенты говорят, что профессор Бушма очень увлекательно и доступно излагает учебный материал. А еще он пламенный пропагандист активного образа жизни и заядлый дачник. Уже многие годы ездит на дачу на велосипеде.

Владимир Цыркунов, профессор кафедры инфекционных болезней ГрГМУ, доктор мед. наук, заслуженный деятель науки Беларуси:

— Михаил Иванович — высококвалифицированный специалист. Знаю его уже не один десяток лет. Когда я руководил Республиканским гепатологическим центром, он возглавлял лабораторию биохимической фармакологии, и мы сотрудничали. Наши совместные исследования нашли применение в клинической практике. Мы использовали ряд лекарств по новому назначению. Профессор Михаил Бушма — экспериментатор, талантливый и перспективный ученый.

Светлана Хорсун, «МВ».

Репозиторий ГрГМУ